

С. Н. Искюль

Рецензия на монографию

Троицкий Н. А. Наполеон Великий: в 2 т. / [Подг. к публ., вступ. ст. М. В. Ковалева, Ю. Г. Степанова]. М.: Политическая энциклопедия, 2020. (Мир Французской революции). Т. 1: Гражданин Бонапарт. 526 с. Т. 2: Император Наполеон. 549 с.

Перед нами третья и самая объемная биография Наполеона Бонапарта на русском языке. Она написана профессором Саратовского государственного университета Николаем Алексеевичем Троицким через семьдесят лет после книги Е. В. Тарле «Наполеон», впервые выпущенной под редакцией К. Радека в 1936 г. и с тех пор известной в многочисленных изданиях, и через тридцать с лишним лет после книги А. З. Манфреда «Наполеон Бонапарт», опубликованной в 1971 г. в издательстве «Мысль», в котором выдержала пять изданий. Это объясняет, но только отчасти, почему Н. А. Троицкий постоянно ссылается в своей книге на Е. В. Тарле и на А. З. Манфреда, на Тарле — не менее 60 раз, на Манфреда — более 120. Автор не скрывает своего пиетета по отношению к обоим мэтрам отечественной историографии, особенно к Тарле, порой соглашаясь с их точкой зрения, но отнюдь не всегда, и часто аргументированно и доказательно полемизирует с обоими, считая книгу первого из них «недостаточно полной» и «отчасти устаревшей», а биографию, написанную Манфредом, «яркой» и «обстоятельной», но «композиционно дисгармоничной» (с. 26). Как бы то ни было, перед нами цельная биография, а не собрание наиболее важных эпизодов жизнеописания, автор которой усматривал свою

задачу в подробном и, подчеркнем, доступном изложении всего того, что составляет канву биографии своего героя, включая и последствия, и уроки «всего им содеянного». При этом Троицкий, по его словам, стремился решить задачу «с позиций научно сбалансированных», свободных от предвзятости и пристрастий.

По его же словам, «Наполеон Великий» основывается на традиционно разнообразных источниках, включая, разумеется, и архивные, «с учетом различных концепций» русской и зарубежной историографии.

Все это так, но вызывает удивление и недоумение, что автор монографии за весьма редким исключением не использует новейшую (до 2007 г., когда была закончена книга) французскую историческую литературу. Сказанное относится к монографическим исследованиям, статьям на разные темы и к материалам многочисленных конференций. Все это имеет отношение практически ко всем главам, за исключением, может быть, тех, где речь идет об уникальной эпохе Тильзитского союза и, в особенности, о войне 1812 г., о которой Троицкий написал не одну книгу.

Приходится с сожалением констатировать, что в книге Троицкого не используется «Correspondance de Napoléon Bonaparte», весьма подробно дополненное документальное издание, которое в течение многих лет готовилось сотрудниками Наполеоновского фонда (Париж) под общей редакцией его директора Тьерри Лентца и выпущено в 15 томах издательством «Fayard» строго по архивным документам, с комментариями и компетентными статьями к каждому тому специалистов-историков разных стран. Так что теперь не принято цитировать 45-томное «CorrespondancedeNapoléonIer, publiée par l'ordre de l'Empereur Napoléon III» (Paris: Henri Plon / J. Dumaine, 1867–1869), издание, на которое автор неоднократно ссылается. Конечно, книга Троицкого была дописана, когда новое издание наполеоновской корреспонденции еще не было завершено, но автор мог использовать в своей работе уже вышедшие к тому времени тома.

Автор явно предпочитает ссылаться на сочинения, опубликованные по-русски, или на книги иностранных, большей частью англоязычных авторов, но в переводе на русский язык, как, например, он часто ссылается на двухтомник американского историка Уильяма Миллигана Слоона (Sloane), опубликованный по-русски еще в 1895–1896 гг. и на многотомное сочинение Вальтера Скотта о Наполеоне. Именно поэтому, надо полагать, оба тома Троицкого прямо-таки пестрят в ссылках указаниями «цит. по», т. е. ссылками не на оригинальные сочинения, а на цитаты из них или иные указания в сочинениях других авторов. Объяснения этому во введении, где Троицкий касается использованной им литературы, мы не найдем; как не найдем в нем и пояснений, почему автор часто ссылается на многотомную популярную «Историю XIX века», вышедшую под редакцией Э. Лависса и А. Рамбо (М., 1905), а не на позднейшее

издание, выходявшее под редакцией Е. В. Тарле в 1930-х гг. Рецензент предполагает, что автор стремился восполнить недостаток источников, использованных исследователями, его предшественниками, в своих сочинениях, источников, которые для автора почему-то оказались недоступными. Но, могли быть и другие, нам неизвестные, причины.

Так, в отличие, кстати, от Е. В. Тарле и А. З. Манфреда, Н. А. Троицкий ссылается и, весьма часто, на новейшее переиздание (М., 1997) переводной с немецкого книги швейцарского историка и библиографа Фридриха Макса Кирхейзена «Наполеон I. Его жизнь и его время», которая вышла в Мюнхене — Лейпциге, в 1911 г., по-русски — в Москве, в 1913 г. Последующие тома переведены на русский не были, а между тем они столь же объемны и занимательны по содержанию. Заключительный, 9-й том выпущен объемом в 615 страниц, и в целом биография Наполеона доводится до 1821 г. Между прочим, из первого тома, опубликованного по-русски перед Первой мировой войной, у Троицкого приводится и любопытный эпизод, когда младший лейтенант Буонапарте, служивший в апреле 1789 г. в артиллерийском полку в Оксонне, проявил себя, выполняя приказ при подавлении «бунта городской бедноты». Выстроив солдат, он вышел к бунтовщикам и предложил разойтись. Когда же толпа не послушалась, он скомандовал солдатам «На прицел!» и объявил: «Граждане, мне приказано стрелять только в негодяев. Порядочные люди пусть скорее уйдут!» Толпа сразу же разбежалась... (т. 1, с. 67). Что и говорить, эпизод, как и указывает Троицкий, «мелодраматический», но вот вопрос: почему он упоминается только у Кирхейзена или со ссылкой на него? Вопрос тем более правомерен, что ни в одном другом из исторических сочинений о Наполеоне об этом эпизоде не упоминается вовсе. К сказанному добавим, что то, что приводится со ссылкой на Кирхейзена, повторяет анекдот, помещенный Себастьяном де Шамфором в собрании исторических анекдотов, опубликованном в авторском сборнике под названием «Максимы и мысли. Характеры и анекдоты», вышедшем в Париже уже после кончины автора, в V году Республики, т. е. в 1796 г. У Шамфора событие отнесено к эпохе правления Людовика XV, бунтовщики прямо называются сволочью, а вместо младшего лейтенанта Буонапарте там фигурирует капитан королевских мушкетеров шевалье д'Авежан. То, что событие в прочих биографиях Наполеона не встречается, должно было, по-видимому, вызвать исследовательский интерес и направить усилия к выяснению источника, но этого, к сожалению, не произошло, а между тем, если приведенный биографический сюжет и в самом деле связан с именем Наполеона, его смело можно было бы назвать характерным и уверенно отнести к чертам умонастроения и поступков будущего генерала, политика и государственного деятеля. Ведь пишет же Троицкий далее в весьма насыщенной материалом главе о том, что во время подавления мятежа роялистов 18 вандемьера, после первого залпа картечью и первых жертв Бонапарт приказал заряжать пушки одним только порохом (т. 1, с. 118), дабы одним только грохотом канонады внести смятение

в мятежную толпу и заставить ее разбежаться. Проявляет он, и автор это особо подчеркивает, свойственное ему милосердие всегда (т. 1, с. 355), в том числе и, как это ни покажется кому-то странным, на войне (с. 357–358), где, например, непрменные объезды полей сражений вызваны были у Наполеона лишь желанием удостовериться, все ли раненые собраны, при этом без различия — свои или чужие. Впрочем, некоторые авторы относят эти объезды почему-то к желанию полководца лишний раз подчеркнуть факт одержанной победы.

В описании Итальянского похода Бонапарта — главе, одной из лучших в книге Троицкого, — автор подробнейшим образом пишет о противоборстве войск республиканской армии и Священной Римской империи, подчеркивая «небывалый доселе в истории войн темп наступательных операций» и поражающие всякое воображение быстроту и маневренность, в которых от солдат Республики требовались выносливость и сверхчеловеческие усилия в преодолении препятствий (с. 152–153). В это время возрастало и «политическое» честолюбие, ростки которого постепенно, то там, то здесь давали о себе знать у главнокомандующего Итальянской армии в ходе переговоров, которые закрепляли успехи французских солдат, достигнутые при Монтенотте, Миллезимо, Мондови, Лоди и Риволи. Помимо прочих важных подробностей, автор целую страницу посвятил контрибуционным деяниям генерала, а именно тому, что контрибуции французы взимали не только деньгами, но и предметами искусства (т. 1, с. 159–160). При этом Троицкий ссылается на Вальтера Скотта, который называет командующего французской армии «первым лицом в истории войн и человечества, превратившим такое разнузданное и наглое лихоимство в закон». Но нет нужды обращаться по этому поводу к специальным исследованиям французских ученых, где доказывалось, что речь в то время отнюдь не шла о расхищении «национального достояния» и что Наполеон далеко не был первым в этой практике войн Французской республики против имперских армий в Италии. В тех исследованиях, на которые ссылается автор, включая и английских военных историков, давно уже учитывается то обстоятельство, что итальянская знать, сотрудничавшая с имперскими (австрийскими) властями, часто бывала неплатежеспособна, что принуждало взыскивать с нее контрибуции произведениями искусства, которые те порой сами предлагали из своих частных собраний в счет назначенных контрибуций.

Здесь же и не раз автор (т. 1, с. 129, 132, 133, 156, 170, 184) цитирует письма Наполеона к Жозефине по... американскому изданию «*Letters of Napoleon to Josephine*» (New York, 1931). Это более чем странно, тем более что автор не указывает, почему он это делает. Как известно, есть многочисленные французские издания, полностью или фрагментарно воспроизводящие наполеоновские тексты, не говоря уже об упомянутой выше «*Correspondance de Napoléon Bonaparte*», и сборники мирового любовного эпистолярного наследия.

Вслед за некоторыми из своих предшественников, помимо прочего, Троицкий обращает внимание на далеко не простые отношения генерала Бонапарта

с Директорией, которая из Парижа пыталась руководить им, но которую, руководствуясь собственными представлениями о ситуации, а также и об очередности и целесообразности собственных действий, он с самого начала и не ставил на место (с. 191–192 и далее). Автор прав, усматривая в этом крепнувшее представление Бонапарта о собственной значимости как военачальника, в руках которого сосредоточено было не только руководство действиями своей армии, но и нити дипломатических переговоров в целях закрепления военных успехов твердостью и непреклонной волей, руководствуясь собственными взглядами на развитие ситуации в настоящем и ближайшем будущем.

В том же первом томе рецензент обращает внимание на предпоследнюю главу «Гражданин Первый Консул», которая представляется важной для характеристики деятельности Наполеона в области внутренней политики, когда он впервые сосредоточил в своих руках «почти самодержавную власть». Именно тогда, и Троицкий подробнейшим образом об этом пишет, будущий император последовательно строит свою политику, твердо основываясь на принципе закрепления завоеваний Революции: гражданского равенства, отмены сословий и феодальных привилегий вместе с повинностями, права собственности и свободы предпринимательства. Именно тогда по инициативе Бонапарта провозглашается всеобщая амнистия эмигрантам, которые получают возможность проявить себя в различных областях деятельности, учреждается орден Почетного Легиона как единая и доступная награда для всех граждан Республики. Именно тогда был фактически возрожден и упорядочен бюджет страны, обеспечивший техническое перевооружение промышленности в условиях английской конкуренции, и рост доходов, к чему следует присоединить и умиротворение мятежных провинций, а также решение крайне важных в то время вопросов примирения и согласия государства с Церковью в связи с необходимостью упорядочения общественных отношений духом веротерпимости между различными конфессиями (т. 1, с. 341–366). Разумеется, все это было далеко не просто, при том что внутренняя жизнь Франции и после Революции протекала порой весьма не спокойно.

Конечно, Н. А. Троицкому следовало подчеркнуть, что заговоры на жизнь Бонапарта возникали потому, что внутренняя политика эпохи Консульства, политика национального единства, общественного умиротворения и порядка после разобщенности, якобинского хаоса и массовых репрессий против всех слоев общества не оставляла шансов ни республиканцам, ни тем более роялистам. Что касается республиканцев от умеренных до «бешеных» и бабувистов, то все они в глазах народа исчерпали в себе умение справиться с ситуацией, запятали друг друга опасным соперничеством, а нередко и корыстолюбием. Последовательно же предпринятые усилия и деятельность консульского правительства говорили сами за себя.

Важнейшим в данном случае Троицкий справедливо считает наполеоновский кодекс, который создавался, преодолевая заговорщическую деятельность

роялистов и республиканцев внутри страны. Это и в самом деле следует приписать к важнейшим деяниям Первого консула, поскольку, как только началась Революция, законы французского королевства утратили всякую силу. Новое законодательство с тех пор так и не появилось. Творцом его стал Первый консул Бонапарт, который возглавил комиссию из четырех виднейших юристов Франции, и все они в течение четырех месяцев едва ли не каждодневно трудились, оттачивая формулировки статей, призванных, так сказать, сопровождать человека с момента рождения до кончины. Кодекс по праву называется «Кодекс Наполеона», поскольку последний не только председательствовал на большинстве заседаний комиссии, но и деятельно участвовал в них, задавая юристам вопросы, предлагая им разного рода ситуации, связанные с семейными, имущественными и прочими отношениями, и предлагая свои ответы в поисках «выхода» из предложенных ситуаций, включая и такую весьма щекотливую в то время тему, как развод. Таким образом, был создан образцовый, как ныне признано повсеместно, свод законов. При этом в нем, так сказать, увековечены определяющие принципы Революции, в первую очередь принцип социального равенства перед законом (т. 1, с. 483–508).

В главе «Апогей», которой открывается второй том и которую также смело можно отнести к лучшим в книге Троицкого, автор обстоятельно пишет о коронации Наполеона и преобразении Французской республики из консульского обличия в императорски-монархическое. Здесь немало места уделяется тому, как была обставлена коронация, церемониалу, участию или неучастию по разным причинам в этой церемонии различных деятелей эпохи, кстати произнесенным словам и поступкам, которые запечатлелись в памяти современников. Правда, следовало бы осветить и актуальное появление в печати различных суждений о возможном и будущем развитии событий, и дискуссию вкупе с общественными настроениями во Франции в 1802–1804 гг., и более подробно само голосование по этому важнейшему вопросу (т. 2, с. 8). Помимо этого, следовало бы лишний раз пояснить, что титул «император» на первых порах не воспринимался во Франции как непременно монархический, поскольку в древнеримской традиции, воспринятой в миросозерцании французского общества со времени великой Революции, четко усматривалось сугубо военное и полководческое начало, которое лишь впоследствии становится наследственно-монархическим.

В своей биографии Наполеона Троицкий, естественно, не раз останавливается на вопросах внешней политики, сходным образом характеризуя все антифранцузские (антинаполеоновские) коалиции, начиная с третьей и далее, и войны с ними Франции «с точки зрения исторического прогресса» оправданными (т. 2, с. 57). В этом, если иметь в виду отечественную историографию, автор едва ли не первым высказывается таким образом, и здесь его практически не с кем сравнить. Собственно, этой своей мыслью Троицкий делится с читателем еще во введении (т. 1, с. 28) и возвращается к ней снова и снова, при этом

его точка зрения остается неизменной, когда он задает «сакраментальный» вопрос «Кто первым начал?» (т. 1, с. 454; т. 2, с. 525). Заметим, как говорится, «в скобках», что вопрос не всегда правомерен, ибо в политике отнюдь не обязательно «начинать первым»: политика чаще всего сложнее, глубже и многообразнее. В истории случается, что агрессивные действия намеренно вызываются в расчете на то, чтобы привлечь на свою сторону общественное мнение, а заодно и колеблющихся союзников (ср. с. 490).

Если же говорить о конкретной ситуации, то следовало бы с самого начала остановиться на причинах возникновения и характере такого явления всеевропейского масштаба, как Континентальная блокада, которая до сих пор находится в поле зрения изучающих эпоху историков. Если же исходить из того, что на сегодняшний день известно из трудов А. В. Предтеченского, Е. В. Тарле, М. Ф. Злотникова и зарубежных историков, французских и английских, то приходится сделать вывод, что эта мера экономической политики представляется во многом вынужденной. Давно уже следует признать, что «владычица морей» ни в коем случае не собиралась пускать в свои владения прочие державы и нейтральные государства, которые стремились осуществить свои законные права на участие в торговле на морях со времен «Вооруженного нейтралитета». В ответ на английский декрет от 16 мая 1806 г., который объявил европейские порты, расположенные между Брестом и Гамбургом, в состоянии блокады, Наполеон применил аналогичное средство в Берлинском декрете от 21 ноября 1806 г. и других подобных ему актах (т. 2, с. 73 и далее). «Континентальная система» Франции направлялась усилиями объединить европейский континент в борьбе против английского владычества, распространив запретительные меры на все государства Империи, а также стремлением к поиску аналогов колониальным товарам, которые могли бы удовлетворить привычки европейцев. Все это в изрядной степени подогревало военные усилия сторон, в особенности Великобритании, которая, балансируя на грани краха, продолжала финансировать все коалиции вплоть до 1815 г. включительно и деятельно участвовала в войне в Испании, направляя туда регулярные войска, чем способствовала выступлениям испанских герильясов против французской армии. Продолжала она финансировать и коалицию 1813 г., начало которой было положено, когда началась война в России. Что касается войны 1812 г., то, вслед за Н. А. Троицким, истоки ее происхождения, безусловно, следует усматривать в позиции российского императора, который, как показывает автор, уже вскоре после Тильзитского свидания в письме императрице Марии Феодоровне откровенно поделился с нею своими планами на ближайшее будущее, когда он предполагал готовиться к войне со своим союзником (т. 2, с. 146). Заметим, что это собственноручное письмо, отправленное перед свиданием в Эрфурте, нечасто привлекает внимание историков, а между тем оно едва ли не ключевой источник, позволяющий глубоко проанализировать контекст франко-русского союза вплоть до 1812 г. и коалиционную составляющую политики держав, включая

и Россию Александра I. Исходя из этого, Н. А. Троицкий в своей книге много внимания уделяет военной истории Консульства и Первой империи, не делая никакого различия между коалиционными войнами 1805–1815 гг. и предшествовавшими войнами держав против Франции. Это представляется вполне логичным особенно в связи с тем, каким на деле предстает соотношение завоевательного и освободительного начал в насыщенной военно-дипломатическими событиями наполеоновской эпохе (т. 2, с. 525–526).

В той же главе особый интерес у рецензента вызвало обстоятельное описание сражения при Аустерлице, закончившего первую коалиционную войну александровского царствования. Вместе с тем интерес вызывает и описание складывания коалиции вместе с упущенной возможностью военно-дипломатического принуждения короля Пруссии к решительному присоединению к союзникам по коалиции. Тогдашняя дипломатическая ситуация была воистину драматической и, кто знает, коалиционная война 1805 г. вполне могла выглядеть иначе, если бы король Прусский и далее поддерживал свой нейтралитет, а влияние А. Чарторыйского при российском дворе стало преобладающим.

Описание же самого сражения у Троицкого выглядело бы безупречным, если бы, останавливаясь на его завершающей фазе, историк избежал ошибки некоторых из своих предшественников, включая и автора «Войны и мира». Речь идет о весьма колоритной картине поражения коалиционной армии, когда в бегстве русская пехота и конница бросились через полузамерзшие пруды близ поля битвы. По словам Троицкого, «Наполеон, державший в руках все нити боя, приказал своей артиллерии бить ядрами в лед». И далее им приводится описание этого зрелища, почерпнутое из мемуаров Жана-Батиста де Марбо, участника этих событий: «Снаряды разбивали лед во многих местах <...>. Мы видели, как тысячи русских солдат, их лошади, пушки и повозки медленно погружались в эту ледяную пропасть» и т. д., и т. д. (т. 2, с. 51–52). Все это можно было бы принять на веру, включая и в тонущие в прудах «тысячи русских солдат», если бы военные историки давно уже не оценили литературный дар и склонность к вымыслу блестящего наполеоновского генерала, записки которого, опубликованные во второй половине XIX в., послужили основой для ряда беллетризованных сочинений, например Артура К. Дойла.

Н. А. Троицкий, разумеется, прав, когда пишет, что Наполеон не только воювал с Россией, «но и дружил с нею» и «стремился к союзу с ней» (т. 1, с. 26). Именно поэтому, когда императора уже в изгнании спрашивали, когда он чувствовал себя особенно счастливым, он отозвался однозначно «Тильзит» (т. 2, с. 102). Поэтому, когда для союза с Александром I наступили не лучшие времена, разочарование императора не знало границ. В особенности в связи с несостоявшейся по разным причинам в конце октября 1811 г. российско-французской войной, о чем Троицкий одним из первых среди российских историков пишет в главе III второго тома (с. 201). Это, разумеется, важно для общей картины событий противостояния, но следовало подробнее остановиться

на дипломатической стороне отношений, которая характеризовалась тем, что российский посол в Париже так и не смог приступить к переговорам с французской стороной, поскольку ему не присылали полномочий, намеренно подолгу оставляя без инструкций.

Войне 1812 г. в биографии «Наполеон Великий» посвящена целая глава, в которой историк со знанием дела пишет о хорошо знакомых ему сюжетах. Пишет он, естественно, и о Москве при французах, в том числе и о так называемом муниципалитете, созданном по указанию Наполеона специально для упорядочения городской жизни в послепожарных условиях. Ссылается Троицкий при этом на публикацию в журнале «Русский архив» 1868 г., но это весьма полезное указание отнюдь не требует того весьма субъективного оценочного стороннего дополнения, которое следует далее (т. 2, с. 247). Вызывает возражения своей несообразностью и авторский пассаж насчет того, что Наполеон якобы повелел «искать в уцелевших от пожара московских архивах документы о Е. И. Пугачеве, чтобы использовать их для возбуждения русских крестьян против русского же дворянства...» (с. 249). Едва ли и то, и другое, и третье имело место на самом деле. Император всегда говорил, что он никогда не будет «королем Жакерии», оставаясь тверд в своем нежелании потворствовать разгулу мятежа и анархии, тем более что он всерьез рассчитывал заключить с Александром I мир и, может быть, лелеял надежду восстановить франко-русский союз. В этом, кстати говоря, и ответ на вопрос о том, почему Наполеон не сделал тот последний шаг, которого ждали от него поляки и не провозгласил воссоздание Речи Посполитой.

Главой с талейрановским названием «Начало конца» открывается во втором томе изложение последующих событий в истории очередных коалиций держав, эпохи трудных решений и блестящих побед конечного поражения в 1814 г., когда, «разгромив пять коалиций подряд, Наполеон уступил шестой коалиции» (с. 293). Последнее напряжение сил, казалось, должно было положить предел титанической деятельности, но нежелание мира «ценой чести» руководило его помыслами и поступками вкуче с решительным отказом в ответ на предложения «поднять» нацию, поскольку он усматривал в этом опасность гражданской войны (с. 312).

Измена, которую в близких соратниках часто просто невозможно было предугадать, и роковое стечение обстоятельств заставили Наполеона принять решение, которое даже в тех условиях не было единственно правильным. Но отречение было подписано, о чем, а также о последних днях пребывания Наполеона во Франции автор пишет, приводя немало свидетельств о малоизвестных фактах, исполненных высоких переживаний и строгих суждений. Сыграли свою роль в этом деянии и маршалы, включая и «храбрейшего из храбрых» Нея. К сожалению, рецензенту приходится объяснять, что Мишель Ней не был князем Московским, а именно так маршал упомянут в книге Троицкого трижды (т. 2, с. 278, 380, 454). Если бы он был пожалован в князья Московские,

так и титуловался бы как Prince de Moscou, но в 1813 г. он стал именно Prince de la Moskova, т.е. принцем Москворецким, по названию Москвы-реки, близ которой имело место генеральное сражение в 1812 г., тем более что французы долго еще после битвы так именовали Бородино.

После подробного описания пребывания Наполеона на острове Эльба эпоха 100 дней предстает у Троицкого судьбоносным временем, завершающим историю империи, когда, в конце концов, «часы истории» были повернуты назад, а усилиями коалиций в борьбе против Франции и Наполеона на несколько поколений было задержано социально-политическое развитие Европы (т. 2, с. 526). Этому весьма способствовала, как это ни покажется странным, внутривластная ситуация во Франции после того, как Наполеон без единого выстрела прошел от залива Жуан до Парижа. Возврат к прежнему правлению сопровождался реформированием империи, которой, по мысли императора, придавался либеральный вид. Обнародование 23 апреля 1815 г. так называемого Дополнительного акта к конституциям Империи кардинально меняло ситуацию, ибо теперь, согласно этому акту, император, сохранив за собой всю полноту исполнительной власти, уступил часть своих законодательных прерогатив в пользу Палаты депутатов и Палаты пэров (с. 391–392). Вместе с тем показательным стало не это, а то, что приверженцы Наполеона оказались в Палате депутатов в меньшинстве — из 620 депутатских мест 500 занимали либералы, а Дополнительный акт был принят при 3,5 млн воздержавшихся. Стоило ли апеллировать к народу с его желанием свободы? Ведь на самом деле народу, который привел Наполеона к власти в 1815 г., по большому счету нужен был только он и его Кодекс. Но теперь просвещенный абсолютный монарх должен был считаться с мнением Палат, и последняя во главе с «честнейшим» лидером либералов М.-Ж. Лафайетом поспешила воспользоваться своим правом, когда враг уже, что называется, стоял у ворот, а на горизонте маячила вторая Реставрация королевской власти.

При описании Бельгийской кампании 1815 г. автор подробно останавливается на сражении при Ватерлоо или при Мон-Сен-Жане, как долго еще после 1815 г. французы называли эту битву. Между прочим, пишет он и об измене генерала Бурмона, накануне сражения бежавшего к пруссакам (т. 2, с. 405), о чем следовало бы написать подробнее как об одной из серьезных причин поражения французской армии, ибо в глазах простых солдат это явилось подтверждением того, что их подозрение и недоверие к высшему офицерству вполне обоснованы. Это привело к тому, что при малейшем подозрении к генералам они не однажды, что называется, перепроверяли отданные приказы, что существенно отразилось, как говорят военные, на факторе времени во взаимодействии войсками в разные моменты битвы. Это весьма важное обстоятельство, о котором следовало, естественно, сказать. Но Ватерлоо положило всему и вся конец, хотя и маршал Э. де Груши, и генерал Ж. Барбанегр, и другие их соратники вполне доказали, что и после Ватерлоо далеко не все еще было потеряно.

Теперь о том, что не может не вызвать недоумение и решительное возражение, о том, чему посвящено немало страниц второго тома книги Троицкого, а именно о конце Наполеона. Собственно говоря, еще в т. 1 на с. 291 на этот счет имеется примечание, где говорится о графе Ш.-Т. де Монтолоне, который, «как выяснилось лишь в недавнее время, отравил императора» на острове Св. Елены. В т. 2 отравлению посвящен раздел 4 главы VII под названием «Кончена жизнь... Умер или убит?».

Н. А. Троицкий уже писал об этом в статье «Наполеон», помещенной в энциклопедии «Отечественная война 1812 года...»¹. Биографическая статья о Наполеоне помещена и во второй том второго, весьма и весьма расширенного, издания этой энциклопедии, но поручена она была другому автору, лучшим образом осведомленному в данном сюжете².

В разделе же главы «Кончена жизнь...» историк подробно пишет о том, как протекала в неволе жизнь изгнанника, измученного «казнью покоя», со ссылками на книги, вышедшие на русском языке в переводе с сочинений английских и шведских авторов. Но Н. А. Троицкий прошел мимо, т. е. даже не упомянул, статей и книг французских ученых, в том числе и специально посвященных жизни императора на острове Св. Елены, включая и еще при жизни Троицкого появившийся «Dictionnaire de Sainte-Hélène»³. Не упоминает историк и новейших исследований, специально посвященных теме якобы имевшего место отравления Наполеона, а именно сборник с предисловием Жана Тюлара⁴, на книги которого, увидевшие свет по-русски, не раз ссылается Николай Алексеевич. Авторы этого сборника во всеоружии имевшихся в их распоряжении документальных свидетельств подвергли решительному сомнению выводы исследований С. Форсхувуда и Б. Вейдера об отравлении Наполеона мышьяком, посчитав их более чем легковесными и бездоказательными; это тем более вероятно, что сторонники версии отравления, как правило, по роду занятий не историки, в лучшем случае популяризаторы исторических знаний, не имеющие никакого представления о методах исторических исследований. Что из того, что в волосах императора, отрезанных в память об усопшем и хранящихся в ряде частных коллекций, присутствует мышьяк? Противники версии об отравлении объясняют это тем, что в прошлом именно мышьяк был известен как признанное консервирующее средство цвета и качества срезанных человеческих волос. В связи же с версией об отравлении многие французские историки не ограничивались научными публикациями и выступали в средствах массовой информации. Так что, возможно, если бы историк познакомился хотя бы с некоторыми из этих материалов, с указанным выше сборником, и с точкой зрения его авторов, то, возможно, вернулся бы к той традиции, которую заложил еще выдающийся историк Фредерик Массон своей книгой «Наполеон на острове Св. Елены», которая восполняется позднейшими и новейшими исследованиями историков-наполеонистов, а глава VII второго тома у Троицкого была бы написана в ином ключе.

В легенде к изданию книги Н. А. Троицкого указано, что в данном случае имеется в виду «научное издание», но возникает вопрос, почему в нем нет библиографии. Автор или составители обоих томов не сочли нужным поместить в конце второго тома систематизированное библиографическое описание всех тех источников и литературы, на которые даны ссылки в книге.

В заключение о тех словах и выражениях, употребление которых в научном издании неприемлемо. Я имею в виду такие случаи, как «главком» (т. 1, с. 131), «волнительный» (с. 155), «можно рехнуться» (с. 219), выражение «самодержец всея Руси» — то о Павле I, то об Александре I (т. 1, с. 224; т. 2, с. 25, 318), «подсуетился» — сказано о Ж.-Б. Бернадоте (т. 1, с. 312), «вычислил», т. е. выяснил или установил (т. 2, с. 429, 511), «военврач» (с. 500), «взбрыкнул» — это о реакции английского адмирала на неожиданный выход из-за стола Наполеона на острове Св. Елены (т. 2, с. 448). Все это большей частью просторечия, от употребления которых в научном издании следовало бы воздержаться.

В книге не раз (т. 2, с. 103 и далее) употребляется выражение «святотатство» (об аресте папы римского), но это слово означает только воровство церковного имущества; в данном же случае арест папы скорее — кощунственное деяние.

У Троицкого император на Святой Елене «все реже смотрел из окна на мрачный ландшафт острова в бинокль, служивший ему еще при Аустерлице» (т. 2, с. 500). Может быть, все-таки — в подзорную трубу?

В книге Н. А. Троицкого дважды упоминается один из врачей, пользовавшихся Наполеона, а именно Александр-Урбен Иван (1765–1839), барон империи (1809), главный хирург Дома Инвалидов (1811), но называет его автор Юваном (т. 2, с. 254, 327), тогда как по-французски его фамилия пишется Yvan и читается сообразно с этим.

Достойно сожаления, что в тексте обоих томов встречаются опечатки; например, Мазельская армия (т. 1, с. 127), вместо, естественно, Мозельская. Встречаются опечатки и во французском языке; двумя такими ошибками открывается глава VI первого тома (с. 284).

Жаль, что заявка на издательский грант для книги Троицкого была в свое время отклонена, но жаль также, что те коллеги Николая Алексеевича, которые принимали участие в подготовке рукописи его последней книги, не воспользовались возможностью еще раз тщательным образом завершить ее подготовку.

Но довольно о том, что может невольно скрасить, в общем, благоприятное впечатление, остающееся после того, как прочитаны последние главы более чем тысячестраничного сочинения Н. А. Троицкого. Там, где у автора речь идет о «суде истории», о Наполеоне вслед за именитыми и просто известными современниками и историками сказано зачастую так, как не писал еще никто из предшественников-соотечественников автора. Сказанное в полной мере касается и того, что Троицкий в сравнении с другими биографами не пренебрег подробностями характера и душевного склада своего героя, часто останавливаясь на свойственных ему чертах, которые пребывали неизменными на протяжении

всей его жизни и до сих пор вызывают симпатию и удивление. В своем стремлении по-своему «решить задачу», изложенном в самом начале книги, автор был последователен и настойчив. Но биография героя по-прежнему будет ждать своего историка, ибо выходят все новые книги исследователей, публикуются неизвестные ранее документы и воспоминания. Не каждый год, как предсказывал еще Стендаль, на которого автор «Наполеона Великого» не раз ссылается, но, вне всякого сомнения, и рецензент в этом убежден, со временем появятся и свежие «прочтения», и подлинно научные биографии.

-
- ¹ Отечественная война 1812 года: Энциклопедия / Ред. колл. В.М.Безотосный (руководитель авторского коллектива) и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 494.
 - ² Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов: Энциклопедия. Т. 2 / Ред. колл.: В.М. Безотосный (руководитель авторского коллектива) и др. М.: РОССПЭН. 2012. С. 560.
 - ³ *Macé J.* Dictionnaire historique de Sainte-Hélène. Chronologique, biographique et thématique. Paris: Tallandier, 2004. P. 207–211 (о версии об отравлении).
 - ⁴ Dr J.-F.Lemaire, Dr Paul Fornès, Dr Pascal Kintz, Thierry Lentz. Autour l’empoisonnement de Napoléon / Préface de J. Tulard. Avant-propos du baron Gourgaud, président de la Fondation Napoléon. Paris: Nouveau monde, 2001.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

С. Н. Искюль. Рецензия на монографию: *Троицкий Н. А. Наполеон Великий: в 2 т.* / [Подг. к публ., вступ. ст. М. В. Ковалева, Ю. Г. Степанова]. М.: Политическая энциклопедия, 2020. (Мир Французской революции). Т. 1: Гражданин Бонапарт. 526 с. Т. 2: Император Наполеон. 549 с. // Петербургский исторический журнал. 2022. № 1. С. 226–239

Аннотация: Рецензия посвящена критическому анализу биографического исследования профессора Н. А. Троицкого «Наполеон Великий», опубликованного в двух томах в Москве, в издательстве «Политическая энциклопедия» (2021).

Ключевые слова: Наполеон, государственная и политическая деятельность, кончина и причины преждевременной смерти, критика источников и литературы.

FOR CITATION

S. N. Iskul. Review of the monograph: *Troitskiy N. A. Napoleon the Great: in 2 vols.* [Edited by M. V. Kovalev, V. G. Stepanov]. M.: Political Encyclopedia, 2020. (The World of French Revolution). Т. 1: Citizen Bonaparte. 526 с. Т. 2: Emperor Napoleon. 549 с. // Petersburg Historical Journal, no. 1, 2022, pp. 226–239

Abstract: The review is devoted to a critical analysis of the biographical study of Professor N. A. Troitsky “Napoleon the Great”, published in 2 volumes in Moscow, by the Publishing House “Political Encyclopedia” (2021).

Key words: Napoleon, state and political activity, death and causes of premature death, criticism of sources and literature.

Автор: Искюль, Сергей Николаевич — д. и. н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук

Author: Iskul, Sergey Nikolaevich — Doctor of History, Leading Researcher at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences

E-mail: iskiouls@yahoo.com